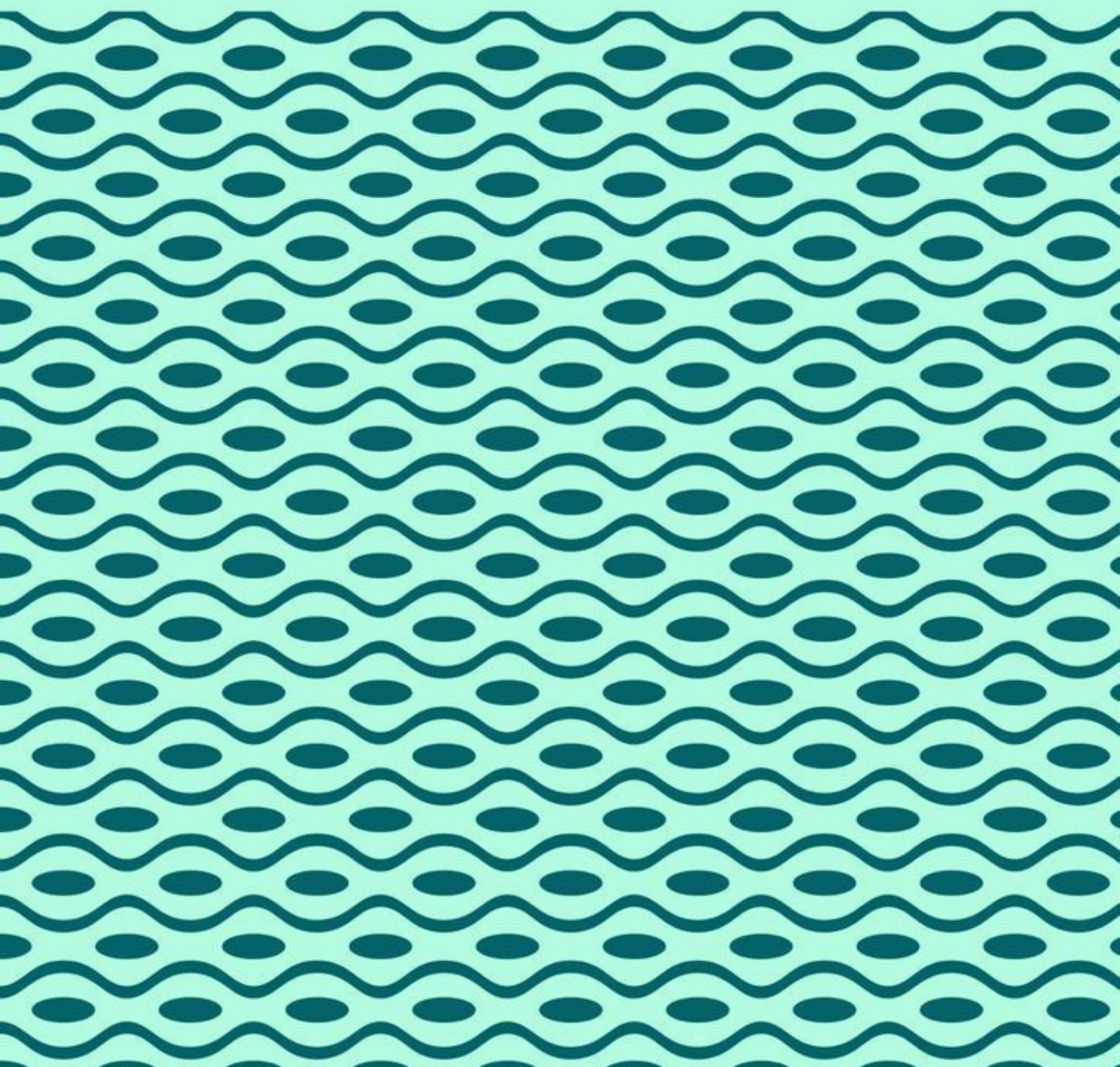

18+

Светлана Куприна

Знакуля

Светлана Куприна

Знакуля

«Издательские решения»

Куприна С.

Знакуля / С. Куприна — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531536-6

Эта книга о великой народной целительнице, вобравшей в себя тысячелетний опыт волхвов-целителей. О красивой, молодой женщине, несущей людям не только исцеление от болезней, но и веру в себя.

ISBN 978-5-00-531536-6

© Куприна С.
© Издательские решения

Содержание

Знакуля	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Знакуля

Светлана Куприна

© Светлана Куприна, 2021

ISBN 978-5-0053-1536-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тетрадь 1 Рассказ 1

Знакуля

Дуня стояла на крыльце своего сказочного красивого маленького домика и любовалась восходом солнца. Раскаленно-желтое светило по-осеннему не яркое, не пышущее жаром, медленно поднималось над сосновым бором, окрашивая верхушки вековых сосен янтарно-золотистым светом. Земля, еще хранившая тепло знойного лета, радовала глаз покрывалом из опавших красно-желтых в бурю и зеленую крапинку листьев.

Напоенный ароматом ушедшего лета звенел осенней тишиной прохладный, но все еще ласкающий порывистым прикосновением воздух.

– Какое чудесное утро. – прошептала Дуня. – Славен праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Своим небесным покрывалом укрой и защити, Матушка.

Дуня глубоко вдохнула пьянящий прохладный воздух и, раскинув руки, ощутила незримо легкое прикосновение невесть откуда набежавшего ласково-теплого ветерка.

– Дунечка, самовар стынет, пора завтракать, – донесся из приоткрытого окна голос Матрены-приживалки.

– Ты, Мотя, без меня завтракай, а я пойду помолюсь Матушке Богородице, поклонюсь солнышку красному, земле родимой, могилам предков моих, попрошу прощения, поблагодарю за помощь великую, за силу, которой они меня одаряют.

А еще попрошу, чтобы не оставляли меня одну ни в беде ни в радости, а всегда были со мной.

А потом в гости пойдем, к Яковлевне, веселиться будем, славить Матушку Богородицу, Покров ее небесный и весь мир пресветлый.

Дуня легко сбежала по ступенькам крыльца, и вскоре ее цветастый платок мелькнул среди молодого ельника и пропал из виду. И только чутким почти звериным слухом Мотя угадывала торопливо идущие по лесной тропинке шаги Дуни.

В семье Маковых просыпались рано, а точнее раньше всех вставала Татьяна, невестка, жена Петра. Сам Петр выходил к завтраку, когда его жена, уже придя с фермы, где она работала дояркой, успевала управиться со своей скотиной и приготовить завтрак.

Свекор Данила Петрович редким случаем помогал Татьяне, а все больше, напялив очки на нос, шуршал бумагами и вечер и утро. Работал он кладовщиком, домой приходил часто под хмельком, но держался на ногах всегда твердо. Его грузная фигура вызывала в Татьяне смертельный страх. В свои 65 лет он был крепок, силен и здоров как бык. Свою жену, семидесятилетнюю Химочку, он старался не замечать. Женившись на Химочке (а она была дочерью председателя колхоза), взял хорошее приданое, а что она некрасива, костлява, старше его, пересидела в девках Данила не замечал. Химочку не обижал, ни словом, ни делом, руки никогда не поднимал, а вот ласку дарил другим. При его стати и красоте хоровод баб не убавлялся до самых седых волос. Химочка сначала плакала, била окна соперницам, а потом смирилась, притихла, а после женитьбы сына весь груз по дому свалила на плечи снохе Татьяне. Таню взяли в дом Маковых из бедной семьи, а если по правде, то и семьи никакой не было. Жила она вместе с бабушкой в ветхой покосившейся избушке, а родителей своих Таня не помнила. Убежав от крестьянской

нищеты, погнавшись за «длинным рублем», стинули, пропали они без следа в снежных просторах далекого Севера. Ни письма, ни телеграммы так и не дождались; у Марфы Степановны, так звали бабушку Тани, родных никого не было, помочь было некому. Ходила она за двадцать верст в районную милицию, написала заявление о пропавших, да все без толку. Трудно, почти невозможно было отыскать человека в этом людском потоке, громадной лавиной двинувшим на север за большими деньгами. Так и жили они вдвоем.

Таня росла послушной, работающей. Славная, уважительная, с кроткой улыбкой на милом личике – такой всегда видели ее хуторяне. Получив аттестат хорошистки, Таня поступила в сельскохозяйственный техникум на заочное бухгалтерское отделение и в ту же осень пошла работать на ферму. И любили ее и жалели, а группу коров выделяли самую трудную. Из 25 коров 20 были первотелки. Вставала Танюшка с первыми петухами и мчалась на ферму к своим любимцам. Ее звонкий голосок, как серебряный ручеек разливался под сводами старенькой фермы.

– И где только силы берет, это надо же день деньской на ферме, да еще ночь прихватывает, – сокрушалась одна из доярок, и тут же в ответ ей вторили подруги:

– А ты себя молодой вспомни. Бывало ночь в карагоде протанцуешь, да с милым простоишь, а на зорьке вставать надо, да на работу бежать. Везде успевали. Молодость,

– вздыхали женщины и, подхватив тяжелые ведра, наполненные молоком, несли их на не большую чисто вымытую забетонированную площадку, где стояли сорокавосемилитровые фляги. Теплое, пахучее, целебное во все времена и любимое всеми народами молоко отмеривалось специальным поплавком и, заполнив фляги, плотно укрывалось тяжелыми крышками.

Проша, глухонемой от рождения великан с могучей широкой грудью, с сильными мускулистыми руками как пушинки подхватывал фляги с молоком и грузил в кузов машины. Славка Дятлов, отслужив положенный срок в армии, вернулся в родной хутор. Покуролесив несколько дней с друзьями, Славик пришел к директору совхоза проситься на работу. Ему дали старенького зилка, и Славик стал возить молоко за сорок верст на молокозавод по ухабисто-щебенистой дороге.

Когда Проша грузил фляги, Славка покидал кабину своего зилка и, отойдя в сторону, с восторгом наблюдал за его работой: «Ох и здоров чертяка, спина-то не мерянная».

Курносое лицо Славки расплывалось в улыбке, а Проша, закончив грузить фляги и подтолкнув Славика к машине, да так, что тот юрким воробьем влетал в кабину, и, уцепившись за руль, округлив и без того желтые совиные глаза, повторял не раз и не два: «Ну и Прошка, ну и силища!»

Проша работал в совхозе на двух работах. Два раза в день грузил фляги с молоком, а остальное время помогал в кузне. Молотобойцем он был отменным. Его удары по наковальне слышны были далеко за пределами хутора.

Жил Проша с родителями и младшей сестрой Настей, смешливой, веселой восьмиклассницей. Родители Проши – мать Лидия Петровна и отец Алексей Степаныч

– работали в соседнем хуторе Андреевском, где было почтовое отделение. Закончив работу, грузили они в старенький, но еще крепкий «козлик» газеты, письма, посылки, а раз

в месяц и пенсию, и ехали к себе на хутор «Чистый», что был в пяти километрах по лесной дороге. Хуторяне ждали Степаныча как манны небесной, электричество еще на

2

хутор не провели, и все новости хуторяне узнавали из газет и журналов, которые Степаныч каждый день с великим удовольствием доставлял своим хуторянам.

Проша любил свою семью, был помощником во всех делах. Любая работа спорилась в его крепких руках. Все было для Петровны в радость – вот только сын... Ненаглядный, красавец и богатырь Проша родился глухонемым. Когда носила его Петровна под сердцем, свалила ее лихая болезнь. Металась в бреду, хватала за руки пришедшую к ней Яковлевну, местную повитуху и знахарку. «Спаси, спаси дитя моего», – шептала она горячими губами. Яковлевна, непрерывно шепча молитвы, поила Лиду отваром из трав, на голову положила прохладную повязку, а когда та притихла, наклонилась к самому лицу и прошептала: «Не горюй девонька, родишь богатыря живым, а вот как дальше будет одному Богу ведомо. Молись, молись, гляди, и на твоего сына благодать Божья сойдет».

Часто вспоминает Петровна слова вещуньи, смахнет слезу, а потом посмотрит на Прошу – красавец, богатырь, на все руки мастер, да и кинется к иконе: «Прости господи, живой сын, глаза мои видят его, руки мои обнимают и гладят роскошную русую шевелюру. Что еще надо? У других и того нет», – и успокаивается, теплеет материнское сердце. Этой весной минуло Проше двадцать пять лет. День рожденья отмечали в саду майским теплым вечером. И увидела Петровна, как льнут к сыну девчата, как понятна ему их речь, жестами отвечает им Проша, покачивает головой, смеется, а девчата, млея от восторга, прижимаются к нему горячими телами, как бы невзначай подставляют грудь под его сильные руки, но Проша ласков и приветлив со всеми одинаково. И только одна девушка, а это Танюшка, сиротка, заставляла его сердце бешено колотиться. Знал Проша, по какой тропинке Танюша бежит по утрам на ферму. Как бы невзначай выходил навстречу с букетом полевых цветов, протягивал Танюше с открытой улыбкой, и загорались, светились небесно-голубые глаза Проши нежностью и любовью. Шаловливо взъерошив русые кудри Проши, одаривала его Таня ласковым взглядом, спешила на ферму. Таня, Танюша, что бы тебе подумать хорошенько, да выйти замуж за Прошу, нарожать ему крепышей-сыновей, жить заласканной, занеженной, да нет все не так. Молодость бурной рекой уносит разум, огнем обжигает девичье сердце, которому тесно в груди от нахлынувших чувств. Без оглядки, без памяти влюбилась Таня в Петра Макова. Старшие товарки отговаривали, убеждали: «Подумай, девка, он же беспутный, ни одной юбки не пропустит и выпить горькой не прочь, одним словом – гулена, весь в отца пошел». Отмахивалась Танюша от сердобольных подружек, закрывала глаза на разухабистую, веселую жизнь Петра.

Осенью сыграли свадьбу, и черным бездонным омутом открылась для Тани семейная жизнь. Недолго пришлось нежиться Татьяне на мужниной руке, закуролесил, загулял Петр без стыда, без совести. Работал он вальщиком леса; спорилась работа в его молодых сильных руках. В бригаде работали пришлые женщины, они рубили сучки на поваленных деревьях. Смех, шутки наполняли чуткую, вековую тишину леса. А вечером, у костра, собирались молодые, горячие, неугомонные до ласк разведенки, варили сытный ужин, а потом, уединившись с неженатыми, а то случалось с семейными молодыми мужиками уходили в глубь леса, где под раскидистыми елями слышался горячий шепот ворованной мимолетной страсти. О лесных гулянках узнавали в хуторе быстро. Уличив мужей в неверности, устраивали хуторянки нешуточные разборки, а если и это не помогало, и мужья продолжали воровать сладкие минуты с пришлыми разведенками, бежали разгневанные жены к Дуне-барыне.

– Дунечка, сладу нет с кобелиной проклятым, ишь что удумал обмылок недомыленный, ласку ему подавай, обхождение нежное, а сам только и силен табачным духом, – кричали зычными сильными голосами, перебивая друг друга, хуторские бабы. Прокричав нелестную деревенскую серенаду в адрес мужей, женщины умолкали, с надеждой глядели на Дуню.

А она, всегда нарядно одетая, ухоженная, с короной светло-пепельных волос, с горделивой царской осанкой и с легкой улыбкой на прекрасном неземной красоты лице, молча слушала гомонящих женщин.

– Бабоньки, ну если плохи мужики, давайте без них жизнь налаживайте, – говорила Дуня, весело поглядывая на притихших хуторянок. И тогда вперед выскакивала самая бойкая и говорливая:

– Дунечка, ну как же, без них, чертей окаянных, никак нельзя. Крышу перекрывать надо, дров на зиму приготовить надо, – скороговоркой повторяла хуторянка, загибая пальцы на руке.

– Ладно, бабоньки, верну вам мужиков, не по-христиански бегать от семьи, блуд – это не Божий промысел, – говорила Дуня, весело поглядывая своими лучистыми изумрудно-зелеными глазами на притихших женщин. – Идите домой молитесь, просите Бога, а про то, что были у меня, никому ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.